

Содержание

ЧАСТЬ I

13

ЧАСТЬ II

177

ЧАСТЬ III

389

*Альбе и Франческо Клементе,
чьи дружба и гостеприимство
открыли для меня Сады*

*За медную монету расскажу
вам золотую историю!*

Выкрики уличных рассказчиков Древнего Рима,
приводятся у Плиния

*В столь горькое время выпало нам жить, что мы тщимся
не замечать эту горечь. Приходит беда, рушит нашу жизнь,
а мы сразу же прямо на руинах наново торим тропки к надежде.
Тяжкий это труд. Впереди – рытвины да презрады.
Мы их либо обходим, либо, с грехом пополам, берем приступом.
Но какие бы невзгоды на нас ни обрушивались,
жизнь идет своим чередом.¹*

Д. Г. Лоуренс
“Любовник леди Чаттерли”

La vie a beaucoup plus d'imagination que nous.²

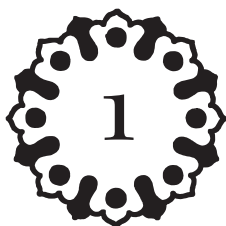
ФРАНСУА ТРЮФФО

¹ Перевод И. Багрова.

² У жизни куда больше воображения, чем у нас (франц.).

Часть I

В день инаугурации нового президента, когда мы опасались, как бы его не убили, пока он шел рука об руку со своей прекрасной супругой через ликующую толпу, а также когда столь многие из нас стояли на грани экономического краха из-за ипотечной пирамиды и когда Исида¹ все еще была египетской матерью богов, некоронованный король семидесяти с лишним лет прибыл в город Нью-Йорк с тремя сыновьями-полусиротами и поселился во дворце своего изгнания. Он держался так, словно все было в порядке и с этой страной, и с миром, и с его собственным прошлым. Он начал царствовать в наших окрестностях как снисходительный император, хотя при всей своей очаровательной улыбке и умении играть на скрипке (Гваданини 1745 года) он испускал тяжелый и дешевый аромат, безошибочно различаемую вонь примитивной деспотической угрозы, тот запах, что остерегает нас: не спускай глаз с этого парня, он способен в любой момент распорядиться тебя убить, если ему не пригля-

¹ По-английски ISIS — Исида и ИГИЛ (организация, запрещенная на территории РФ).

нется твоя рубашка, например, или приглянется твоя жена. Следующие восемь лет, годы правления сорок четвертого президента, стали также годами все более сумасбродного и устрашающего владычества над нами человека, именовавшего себя Нерон Голден (на самом деле он не был королем), и это время завершилось большим, метафорически говоря, апокалиптическим пожаром.

Старик был невысок ростом, можно даже сказать, приземист, и гладко зачесывал волосы — по большей части все еще темные вопреки его преклонным годам — назад, подчеркивая треугольную челку, “чертов хохолок”. Глаза у него были черные, пронзительные, но первым делом ты замечал — он часто заворачивал рукава повыше, именно чтобы обратить внимание собеседника — предплечья толстые и сильные, как у борца. Крупные золотые перстни сверкали изумрудами. Мало кто слышал, чтобы он повысил тон, но мы не сомневались, что в нем таится великая мощь голоса, которую лучше не пробуждать. Одевался он дорого, но при этом в нем было нечто животное, шумное, отчего он казался Чудовищем из сказки, словно человеческие наряды его сковывали. Мы все, жившие по соседству, изрядно его побаивались, хотя он предпринимал заметные и неуклюжие усилия, чтобы вести себя приятно, добрососедски, неистово размахивал тростью, приветствуя нас, и в самое неуместное время зазывал к себе на коктейль. На ходу и стоя он подавался вперед, словно борясь с сильным ветром, который только он и ощущал, верхняя часть туловища наклонялась слегка, не слишком сильно. Это был мощный человек — более того, человек, влюбленный в свою мощь. Его трость казалась скорее декоративной и экспрессивной, чем функциональной. Прогуливаясь в Саду, он всячески старался подружиться с нами. Часто он протягивал руку, чтобы погладить чью-то собаку или потрепать ребенка по волосам. Но дети

и собаки съезживались от его прикосновения. Порой, наблюдая за ним, я вспоминал созданного Франкенштейном монстра, симулякр, который терпел провал при любой попытке выразить подлинно человеческие чувства. Его кожа была коричневой и словно дубленой, в улыбке блестели золотые пломбы. Громкий человек, не всегда соответствующий нашим нормам, но безмерно богатый, и потому, разумеется, с его присутствием мирились, хотя нельзя сказать, чтобы он сделался особо популярен в нашем сообществе художников, музыкантов и писателей.

Можно было бы сразу сообразить, что человек, принявший имя последнего римского императора из династии Юлиев-Клавдиев и поселившийся в *domus aurea*¹, публично заявляет о собственном безумии, злодействе, мании величия и грядущем роке и к тому же смеется всему перечисленному в лицо; что такой человек бросает перчатку к ногам рока и щелкает пальцами под носом надвигающейся Смерти, восклицая: “Да! Можете сравнивать меня, коли охота, с чудовищем, которое поливало христиан оливковым маслом и превращало в факелы, освещающие по ночам его сад! С тем, кто играл на лире, когда горел Рим (скрипок в ту пору на самом деле еще не было)! Да, я назвался Нероном из династии Цезарей, последним из этой кровавой семейки, и понимайте это как знаете. А мне просто имечко нравится”. Он совал нам под нос свою извращенность, наслаждался ею, дразнил нас, презирая наши умственные способности, уверенный, что сумеет без труда одолеть всякого, кто противостанет ему.

Он явился в этот город словно один из тех свергнутых европейских монархов, глав завершившихся династий, кто

1 Золотой дом (лат.). Так назывался дворец римского императора Нерона, который “играл на скрипке, пока горел Рим”, уничтожал христиан, а когда подданные наконец взбунтовались, покончил с собой. *Golden House* — дом Голденов и буквально “Золотой дом”.

по-прежнему использует вместо фамилии торжественные титулы — *Греческий, Югославский, Итальянский* — и словно бы не замечает горестной приставки “экс”, будто ее и не существует. Он-то ни в чем не “экс”, говорила его манера держаться, король с ног до головы, от жесткого воротника рубашки, запонок в манжетах, шитой на заказ английской обуви до манеры неуклонно двигаться на закрытые двери, зная, что они перед ним распахнутся; королевской была и его подозрительность, он ежедневно проводил заседания с каждым из сыновей по отдельности, выпрашивая, что говорят о нем другие два брата; королевскими были его автомобили, пристрастие к азартным играм, неотбываемая подача в пинг-понге, склонность к проституткам, виски, фаршированным яйцам и частенько повторяемая максима, ее уважали все абсолютные властители от Цезаря до Хайле Селасие: единственная ценная в его глазах добродетель — преданность. Он часто менял мобильные телефоны, почти никому не сообщал номер и не отвечал на звонки. Не впускал в дом журналистов и фотографов, но там частенько бывали двое из его постоянных товарищей по игре в покер — седовласые донжуаны, обычно в кожаных куртках и ярко-полосатых галстуках, молва подозревала обоих в убийстве богатых жен, хотя в одном случае обвинения вовсе не выдвигались, а в другом остались недоказанными.

О своей отсутствующей жене он молчал. В его доме среди множества фотографий — на стенах и каминных досках расположились рок-звезды, нобелевские лауреаты, аристократы — не было снимка миссис Голден или как там она звалась. Тут явно таился какой-то позор, и мы, к стыду нашему, перешептывались, гадая, что же это могло быть, воображая размах и наглость ее измен, восстанавливая образ аристократической нимфоманки с сексуальной жизнью более скандальной, чем у любой кинозвезды, ее неверности были известны

Часть I

всем и каждому, за исключением мужа, чьи глаза, ослепленные любовью, с обожанием взирали на ту, которую он считал преданной и целомудренной женой своей мечты, и так до ужасного дня, когда друзья поведали ему правду, сошлись все вместе и сказали ему, и как он неистовствовал! Как проклинал их! Называл лжецами, предателями, семеро мужчин с трудом удерживали его, не давая поранить тех, кто вынудил его увидеть реальность как она есть — и наконец он признал реальность, принял ее, изгнал эту женщину из своей жизни и запретил вовеки приближаться к рожденным ею сыновьям. Дурная женщина, говорили мы друг другу, восхищаясь собственной проницательностью, и эта сказка вполне удовлетворила нас, на том мы и остановились, нас больше волновали собственные проблемы, историей Н. Ю. Голдена мы интересовались лишь до известного предела. Мы повернулись спиной и занялись своими делами.

Это была страшная ошибка.

Что есть хорошая жизнь? И что — ее противоположность? На эти вопросы никакие два человека не дадут одинаковый ответ.

В наше трусливое время мы отрицаем величие общечеловеческого, утверждаем и прославляем местные предрассудки и мало в чем можем согласиться. В наше упадочное время человека не волнует ничто, кроме тщеславия и личной выгоды — пустые, претенциозные люди, которым все дозволено, лишь бы служило их жалким целям, стремятся стать великими вождями и благодетелями мира, они якобы служат общему благу, а все их противники — лжецы, завистники, ничтожества, глупцы, ископаемые, и, выворачивая правду наизнанку, они приписывают бесчестность и подлость своим оппонентам. Мы же так разделены, так враждебны друг другу, одержимы ханжеством и презрением, так погрязли в цинизме, что свою высокопарность считаем идеализмом, мы так разочарованы в правителях, так издеваемся над институтами своей страны, что само слово “добродетель” лишилось смысла и придется, видимо, от него до поры до времени отказаться, как и от других ставших ток-

сичными слов — от понятий “духовность”, например, “окончательное решение” и (по крайней мере в рекламе небоскребов и жареной картошки) от слова “свобода”.

Но в холодный январский день 2009 года, когда загадочный мужчина семидесяти с лишним лет, которого нам предстоит звать Нероном Юлием Голденом, явился в Гринич-Виллидж на лимузине “даймлер” с тремя сыновьями и без малейших признаков жены, он, по крайней мере, ясно дал понять, как ценится добродетель и каким образом правое дело отличается от неправого.

— В моем американском доме, — сообщил он трем внимательным сыновьям, пока лимузин вез их из аэропорта в новый дом, — мораль будет приравнена к золотому стандарту.

Подразумевали ли он высочайшую ценность морали или же хотел сказать, что мораль определяется богатством или что он, с его золоченым новым именем, станет единственным судьей правды и неправды — этого он не пояснил, и младшие Юлии, по давней сыновьей привычке, не просили уточнений. (Они все предпочитали на императорский лад зваться во множественном числе Юлиями, а не Голденами — скромностью они тоже не страдали.) Младший из трех, томный двадцатидвухлетний юноша, чьи волосы красивым каскадом падали на плечи (а лицом он напоминал гневного ангела), все же задал один вопрос.

— Что нам отвечать, — спросил он отца, — когда станут интересоваться, откуда мы родом?

На старческом лице багрово вспыхнул гнев.

— Я уже говорил вам! — прикрикнул он. — Скажите им, к чертям идентичность. Скажите им, мы — змеи, которые сбросили старую кожу. Скажите, что мы переехали в центр из Карнеги-Хилл. Скажите, что мы только вчера появились на свет. Скажите им, что мы материализовались благодаря магии или прилетели из окрестностей Альфы Центавра, космический

корабль скрывался в хвосте кометы. Скажите, что мы ниоткуда, или откуда угодно, или откуда-нибудь, мы притворщики, мошенники, реконструкторы, меняющие обличия, иными словами — американцы. Не называйте страну, которую мы покинули. Никогда ее не называйте. Ни улицу, ни город, ни страну. Я не желаю больше слышать их названия.

Они вышли из автомобиля в старинном сердце Виллидж, на улице Макдугал, чуть дальше Бликер, рядом со старинной итальянской кофейней, которая как-то еще существовала с тех давних пор, и, не замечая гудков машин за спиной и умоляюще протянутой ладони по меньшей мере одного грязного попрошайки, оставили “даймлер” посреди дороги и неспешно принялись выгружать из багажника свои пожитки — даже старик настоял на том, чтобы нести чемодан самостоятельно — и перетаскивать их в величественное здание в стиле боз-ар на восточной стороне улицы, прежний особняк Мюррея, отныне — Голден-хаус. (Торопился с виду только старший сын, тот, кто не любил бывать вне дома, носил темные претемные очки и на лице у него проступала тревога.)

Так они прибыли и так собирались жить — независимо, на чужие мнения отвечая равнодушным пожатием плеч.

Особняк Мюррея, самый большой дом в Саду, пустовал уже много лет, в нем обитали только знаменитая своим высокомерием итальяно-американская домоправительница пятидесяти с чем-то лет, ее столь же заносчивая, хотя и намного более молодая помощница и проживавший там же любовник. Мы часто гадали насчет владельца, но эти свирепые стражницы наотрез отказывались удовлетворять наше любопытство. В ту пору многие из богатейших людей покупали недвижимость с единственной целью — стать ее обладателями, и по всей планете распространялись заброшенные, словно стоптанная обувь, дома, так что мы решили, наверное, какой-нибудь русский олигарх или нефтяной шейх

имеет тут свой интерес, и, пожав плечами, привыкли словно бы и не замечать пустующий дом. К нему был приставлен еще один человек, приятного характера, мастер на все руки с испанским именем Гонзало, которому эти стражницы-драконши поручали присматривать за домом, а если у него оставалось свободное время, мы зазывали его к себе и просили исправить проводку или трубы, а посреди зимы почистить от снега крышу и крыльцо. Эти услуги он оказывал нам с улыбкой в обмен на небольшие суммы наличными, деликатно вкладываемые в его ладонь.

Исторический район Сад Макдугал-Салливан — давайте же назовем Сад его полным, благозвучным именем — был заколдованным, свободным от страха местом, где мы жили, растили детей, был счастливым прибежищем от разочарованного, запуганного внешнего мира, и мы не считали нужным извиняться за свою преданную любовь к нему. Оригинальные здания неогрек, возведенные на улицах Макдугал и Салливан в 1850-х, в 1920-е были перестроены в неоклассическом стиле архитекторами, которых нанял некий мистер Уильям Слоан Коффин, торговавший мебелью и коврами; именно в этот момент задние дворы объединили в общий Сад, ограниченный с севера улицей Бликер, а с юга улицей Хаустон и предназначенный исключительно для частного использования жителей примыкавших к нему домов. Особенно Мюррея выделялся даже здесь, он был во многих отношениях чересчур величествен для Сада, изысканная местная достопримечательность: архитектурная компания “Хоппин энд Коэн”, строившая этот дом с 1901 по 1903 год для известного банкира Франклина Мюррея и его жены Гарриет Ланьер, снесла два прежних здания, стоявшие с 1844 года на земле купца Николаса Лоу. Новый дом строился в манере французского ренессанса, в котором фантазия сочеталась с фешенебельностью — в этом стиле партнеры “Хоппин энд

Коэн” обладали значительным опытом, оба учились в парижской Эколь де Боз-Ар, а затем проходили практику в “Макким, Мид и Уайт”. Позднее выяснилось, что Нерон Голден владел этим зданием с начала восьмидесятых. В Саду издавна перешептывались, мол, владелец порой появляется, проводит в особняке день или два в год, но никто из нас не видел его воочию, хотя порой в доме вечером светилось больше окон, чем обычно, и — это уж совсем редко — мелькала за шторами тень. Местные дети решили, что в доме обитают призраки, и предпочитали держаться подальше.

Таким был этот дом, распахнувший просторные парадные двери в январский день, когда из лимузина “даймлер” вышли Голдены, отец и сыновья. На пороге их встречала приветственная делегация, обе драконши, подготовившие дом к приезду хозяев. Нерон и его сыновья проследовали внутрь и обрели тот мир лжи, в котором всем четверым предстояло жить: не с иголки новенькую сверхсовременную резиденцию богатой иностранной семьи, где они могли бы осваиваться по мере того, как будет наполняться их новая жизнь, умножаться опыт — как будут укрепляться связи с городом — нет! — то место, где Время уже двадцать с лишним лет стояло на месте, безразлично созерцая потертые бидермейеровские кресла, постепенно выцветающие ковры, лавовые лампы в стиле шестидесятых, с кротким недоумением поглядывая на портреты всех правильных людей той эпохи, когда Нерон Голден был много моложе — тут и Рене Рикард, и Уильям Берроуз, Дебора Харри, шишки с Уолл-стрит, старинные семейства из светского справочника, носители священных имен — Люс, Бикман, Очинклосс. До того как он обзавелся этим домом, Нерон владел огромным богемным лофтом с высокими потолками, триста квадратных метров на углу Бродвея и улицы Грейт-Джонс, и в своей далекой юности был допущен на Фабрику, сидел благодарным невидимкой в уголке для бо-

гатеньких мальчиков рядом с Саем Ньюхаусом и Карло де Бенедетти, но это было так давно. В доме оставались сувениры тех дней и позднейших визитов хозяина в восьмидесятые. Значительная часть мебели хранилась на складах, возвращение этих примет более ранней эпохи напоминало эксгумацию, симулируя преемственность, какой на самом деле в истории этого особняка не было. Вот почему дом всегда казался нам прекрасной фальшивкой. Мы повторяли друг другу слова Примо Леви: “Таков самый первый плод изгнания, разрыва с корнями: нереальное берет верх над реальным”.

Ничто в доме не давало ключа к прошлому хозяев, и эти четверо упорно отказывались сообщать нам о своем происхождении. Слухи неизбежно просачивались, и мы постепенно выяснили всю их предысторию, но до той поры каждый обзаводился собственными гипотезами насчет их тайны, и вокруг их вымыслов сплетались наши. Хотя все они были достаточно светлокожими — оттенки от молочной бледности младшего сына до дубленой кожи старика Нерона, — они с очевидностью не считались “белыми” в традиционном смысле слова. Они говорили на безупречном, с британским акцентом, английском, намекавшим на оксбриджское образование, и поначалу мы в большинстве своем ошибочно сочли, что мультикультурная Англия и есть страна-которую-нельзя-называть, а город — мультикультурный Лондон. Это лондонцы ливанского, армянского или южноазиатского разлива, гадали мы, а может быть, и родом из европейского Средиземноморья, вот чем объясняется их пристрастие к римлянам. Что же такого ужасного с ними там произошло, каким нестерпимым оскорблением они подверглись, если так далеко зашли в отречении от своих корней? Ну-ну, для большинства из нас то были чужие дела, и мы соглашались не вникать в это глубже — до тех пор, пока не оказалось невозможным держаться и далее в стороне. А когда это вре-

мя наступило, выяснилось, что мы задавались неверными вопросами.

Что их свежевывдуманные псевдонимы продержались ни много ни мало два президентских срока, что эти вымышленные американские псевдоличности, обитавшие во дворце иллюзий, были приняты нами, их новыми соседями и знакомцами, почти без сомнений, многое говорит нам о самой Америке, и еще больше — о решимости, с какой Голдены обживали свою хамелеонью кожу, становясь в глазах всех окружающих тем, чем им вздумалось назваться. Задним числом только дивишься обширности этого плана, сложной подгонке деталей, требовавших пристального внимания: паспорта, удостоверения личности, водительские права, страховки и номера налогоплательщика — столько подделок и тайных сделок и взяток, — дивишься преодоленным трудностям и ярости или же страху, что побудили осуществить такой сложный, такой величественный и абсурдный план. Потом выяснилось, что старик готовил метаморфозу чуть ли не полтора десятилетия, прежде чем привел шестеренки в движение. Если б мы знали это раньше, мы бы поняли, что он пытается скрыть нечто весьма существенное. Но мы не знали. Для нас они были просто самопровозглашенный король и его *soi-disant*¹ принцы, живущие в архитектурной жемчужине нашего квартала.

По правде говоря, они такими уж странными не казались. Каких только имен не берут себе американцы! Стоило полистать телефонный справочник в те времена, когда еще существовали телефонные справочники — сплошная номенклатурная экзотика. Гекльберри! Димсдейл! Ихавод! Ахав! Фенимор! Портной! Драдж! И десятки, сотни, тысячи Голдов, Голдуотеров, Голдштейнов, Файнголдов, Голдберри.

¹ Самозванные (франц.).

Американцы сами постоянно решали, как им зваться и кем быть, отказываясь от былых Гетцев и превращаясь в носящих рубашки Гэтсби и гоняясь за мечтой по имени Дейзи — или же по имени Америка. Сэмюэл Голдфиш (еще один золотой мальчик) сделался Сэмюэлем Голдвином, Аэртзоны стали Вандербильтами, Клеменс — Твенон. И многие из нас, иммигрантов, или же наших родителей или дедов, предпочли оставить прошлое позади, в точности как теперь это решили сделать Голдены, поощряли детей говорить по-английски, а не на старом языке старой страны — говорить, одеваться, вести себя, *жить* по-американски. Старый хлам мы убрали в погреб, выбросили, потеряли. В своих фильмах и в комиксах — и в комиксах, в которые превратились наши фильмы — мы каждый день чтим и славим саму идею Тайной Идентичности. Кларк Кент, Брюс Уэйн, Чудо-Женщина Диана, Брюс Бэннер, Рейвен Даркхолм — мы любим вас. Тайная Личность была некогда французским изобретением — Фантомас, великий вор, а также Призрак Оперы, — но теперь она пустила глубокие корни в американской культуре. Если наши новые друзья желали быть Цезарями, нас это устраивало. У них отличный вкус, отличные наряды, отличный английский, и они казались эксцентриками не в большей мере, чем, скажем, Боб Дилан или кто-то из прежних соседей. Итак, Голденов приняли, ибо они были приемлемы. Они теперь тоже были американцами.

Но в конце концов все ими выстроенное рухнуло. Вот причины их падения: ссора между братьями, непредвиденная метаморфоза, вторжение в жизнь старика молодой женщины, красивой и решительной, убийство (несколько убийств). И наконец, в той далекой стране, которая не имеет имени, было проведено основательное расследование.

